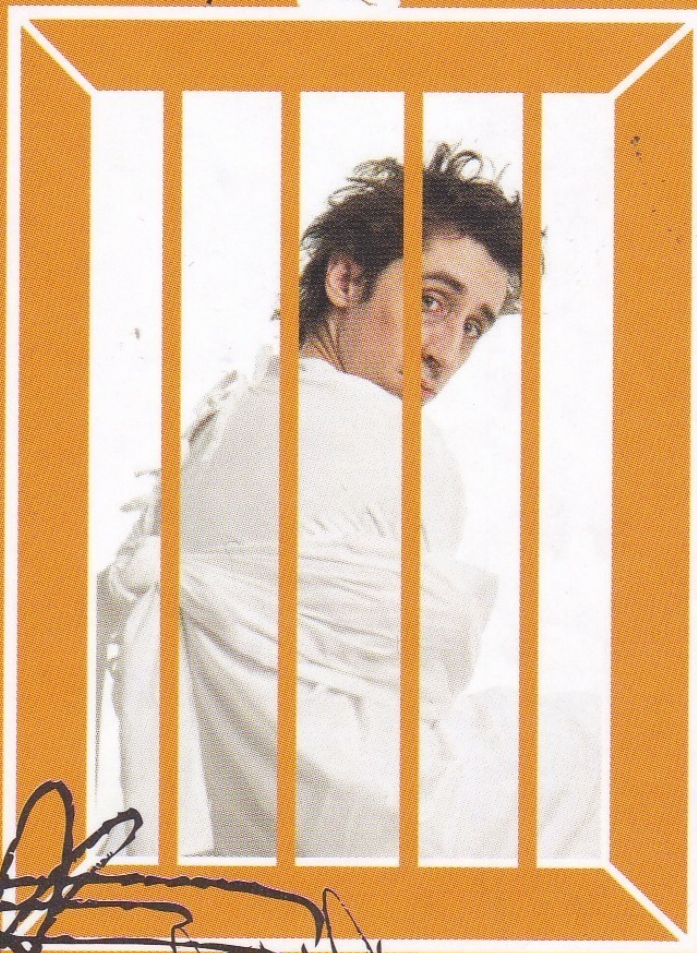

АНДРЕЙ ВИЕСИК

ТАРАКАНЫ

ИД "КИСЛОРОД"

Андрей Vilesik

Тараканы

«Кислород»

2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2=411.2) 6-44

Vilesik A.

Тараканы / А. Vilesik — «Кислород», 2014

ISBN 978-5-601635-36-0

Эта книга – реальный дневник шизофреника. Каково это – сходить с ума? Тонуть в голосах внутреннего демона и возрождаться на пепелище сожженных нервов? Каково это – жить в искажённой реальности? Поражает искренность, с которой автор рассказывает о своей болезни и своих проблемах. «В психушке, в один из приступов, исходя слезами и соплями, я мысленно пообещал своему Тори, что когда выйду из жёлтых стен, когда затихнут ломки и голоса, я напишу книгу. И будет она не только о дурдоме, но и об обычных людях, таких же, как все, это будет книга о них и обо мне. И ещё я пообещал, что ни одним словом не солгу в ней...» Читайте подлинную историю сложного пути из душевной тьмы к выздоровлению и свету.

УДК 821.161.1-31

ББК 84 (2=411.2) 6-44

ISBN 978-5-601635-36-0

© Vilesik A., 2014

© Кислород, 2014

Содержание

Вместо предисловия	6
Общага	8
Гопники	10
PunksNotDead!!!	11
Надя	14
Трэш	19
Дурка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Vilesik

Тараканы

© Андрей Vilesik, 2014.

© Издательский дом «Кислород», 2014

© Олеся Дымура – дизайн обложки, 2014

Вместо предисловия

Вязки держат крепко. Не вырвешься.

Когда санитары вяжут по рукам и ногам – чувствуешь себя святым мучеником. Это не значит, что у тебя внутри фанатичная уверенность, мол, страдаешь за истинную веру, нет, скорее чувство ужасной несправедливости. Могу допустить, что для мученика – это не true. Просто я себе так представляю. На вязках, как никогда раньше, понимаешь, что мир несправедлив, а люди жестоки. Есть ещё один схожий момент. Распятие моё на кровати напоминает букву «X», дохристианский крест, и руки привязаны, хотя в другом положении, а не прибиты.

Койка расположена таким образом, что в поле зрения попадает окно. Я наблюдаю закатное небо, множество кричащих оттенков красного, как на самой известной картине Мунка, но не только этого норвежского экспрессиониста, цвета созвучны палитре многих художников – Ван Гога, Нольде, Дикса.

Взглянуть сквозь решётки на закатное небо – всё равно, что шагнуть в изначальность...

Распятие

И вдруг мне удаётся вырвать правую руку, петля из простыни сорвана, я моментально переключаюсь освобождать другую, левую. «Смотри-ка, выкрутился», – усмехается один из окружающих меня людей, мужик лет сорока пяти. Подходит, хватая обеими лапами мою свободную руку, я пытаюсь прижать её к груди, но сопротивляться не получается. Мужик накидывает петлю, привязывает руку обратно. Потом берёт простыню, перекидывает её через меня и делает узел уже под кроватью. Уходя, хрипит себе под нос, мол, теперь не вывернется.

Перед глазами окно больничной палаты и та самая изначальность, о которой я не договорил...

С 4 до 7...

И опять всего ломает:
Идти на электричку
На семь одиннадцать утра-а-а.

(Смех)

Всё началось с моего поступления на художественно-графический факультет.

Я был уверен, что поступлю, хотел поступить и сделал для этого всё возможное и невозможное. Наверное, хотел «на пуговицу» больше, чем остальные. Ещё зимой записался на подготовительные курсы. Они начинались в 10 утра.

Институт находился в другом городе, приходилось ездить на курсы на электричке. Путешествие не из приятных. Вторая электричка из моего города приезжала в 11 часов. И чтобы не опоздать, мы с матерью ездили на первой, которая уходила в 4 утра и добиралась до места в 7. Обычно в это время пускают самый говённый электрон. Стёкла в некоторых вагонах выбиты,

на деревянных скамейках лежит снег, гуляет ветер, а температура такая же, как на улице – иногда под минус 30 градусов. Пассажиры – бомжи и чёрт знает кто ещё. Пол грязный, утопан ногами. В одну из таких «вылазок» бомж, спавший скамейки через две от нас, опорожился прямо под себя. Вот уж действительно асоциальный элемент. А ещё говорят, что такие, как я, асоциальные.

Курсы пошли мне в зачёт. Я занял 1-е место по конкурсу. Потом летние курсы, двухнедельные. Познакомился с отличным челом, соседом по комнате. Антоха Укроп, он же Крапоткин. У парня в голове всякая ерунда вроде девушек из другой комнаты, пирсинга, да говнорэпа.

Днём ходим вместе на ХГФ. Вечером листаю учебник по истории России за 10-й класс. Перечитываю.

Приходила деваха, пыталась со мной подружиться телами. Беседовали и договорились до того, что назвал её душой. Справедливо, хотя зря, надо было всё-таки её трахнуть, но ведь насчёт «дуры» я не соврал... Единственный минус летних курсов – это еда. Жрём только лапшу быстрого приготовления, запиваем газировкой, или чаще кипятивником греем воду в литровой банке и завариваем чай. И это после домашних-то пирожков...

Из экзаменов мне под конец оставалось сдать только живопись и собеседование. Пришёл на живопись утром. Навалял часа за 2. Получил пятак.

Хорошо! Остальное время тусил один, бродил по городу в районе «драма», это типа культурная ценность второго по величине города Свердловской области. Затем собеседование. Жду своей очереди, а очередь всё никак не приходит. В коридоре воняет нитрокраской, начинает тошнить и голова кружится. Да я ещё и всю ночь перед экзаменом не спал, – волнение сказывалось. Под конец не выдержал. Залетел в кабинет без очереди, перед какой-то девушкой, на ходу подметил, что она ничего так, но извиняться не было времени. В комиссии декан, строгая тётка передовых взглядов, завкафедры рисунка, очкарик с аккуратно причёсанной чёлкой. Вываливаю на стол все свои дипломы, грамоты, свои публикации в газете и прочую шелуху. На главный и последний вопрос «Общительный ли я?» отвечаю что, мол, общительный. У моего ответа, как у монеты, оказалось две стороны. С одной, положительной, получил хороший балл, со второй, отрицательной – должность старосты группы. Лучше б я не говорил, что общительный, ей богу. Моя будущая группа состояла из одних баб, и в этом не было ничего хорошего, но в тот момент я этого не знал. И потом, а вдруг бы не приняли? Выбора у меня не было, – вот что плохо.

По пути на вокзал я смачно облевал территорию разрушенного женского монастыря. Во всём виновата краска, которой провонял весь институт, обнюхался, как ёжик в тумане. Ремонт, ничего не поделаешь. В электроне пригрелся и спал всю дорогу, все 3 часа. И ведь ещё до конца не осознавал, что принят, что больше меня баллов набрали только медалисты. Пофиг на баллы. Главное – я прошёл...

Остатки жаркого лета 2002-го провёл бесцельно, отдыхал. В честь моего удачного поступления родители организовали нам с братом поездку в Санкт-Петербург. Я тогда впервые побывал в северной столице.

Питер – хороший город! В нём много музеев, да и не только их, но это понятно и без моих объяснений. Одна знакомая утверждает, что даже гопники там не такие, как везде, а другой знакомый утверждает, что гопники в Питере такие же, как везде, только их там больше! Чему верить? Где правда?

Мы бродили по городу. Спали у родственников на полу в спальниках. Нельзя сказать, что я был сильно впечатлён СПб. Нет. Как у любого города, у него есть минусы и плюсы...

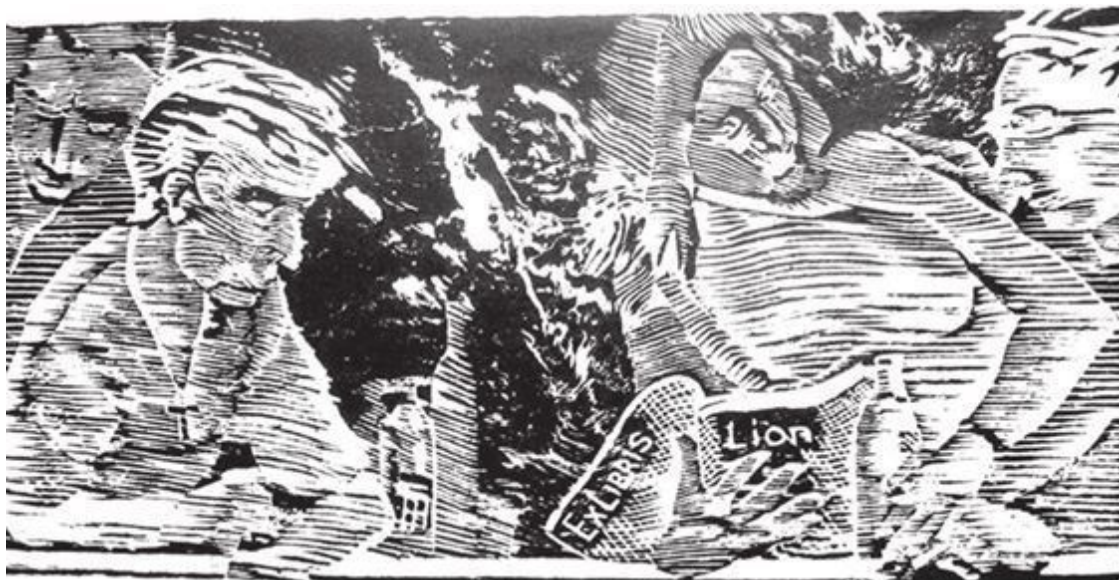
Общага

Дело было ближе к сентябрю 2002-го, когда я приехал на заселение в общагу нашего педа. Мы договорились с челом из моего города и решили жить вместе, в «двушке». Получили ключи от комнаты у коменданта – толстой бабки, на которой всё это хозяйство по сей день держится. (Кстати, дом и работа – всё у неё в этой общаге.) Потараканились в комнату. Пятый этаж. Самый угол правого крыла. Дверь на «соплях», открыли её и вошли в блок. В блоке срач.

На полу грязные ботинки и просто грязно. В «трёшке» сидел на кровати, рисовал наш будущий сосед Лёха. На просьбу родителей моего товарища Андрюхи Дробышева не обижать нас Лёха сказал, что не будет, и своё обещание впоследствии сдержал. В сортире мы наткнулись на огромный пакет мусора, над которым летал рой мошек. Это мне показалось весело. Весело было всегда, я не ошибся. Вечером Лёха зашёл к нам в комнату и предложил пить пиво. Бухали весь вечер. Потом подтягивался народ: много незнакомых людей, старшекурсников. Во время пьянки обычно так было всегда. Потом навестили чела, с которым я жил на абитуре. Он обрадовался нашему приходу.

Поселили его этажом ниже. Он ещё не знал своих соседей и поэтому сильно и небезосновательно волновался. Говорил, что лучше бы поселили с нами. Потом оказалось, что не лучше. Антоха, он и был тем челом, сам не понимал, что вытянул счастливый билет.

Пара слов о нашей комнате. Шкафы и оконные рамы в ней были выкрашены в чёрный цвет. Лёха объяснил, что до нас в ней жили какие-то сатанисты. Живо так, в красках, рассказал, что у этих ребят в углу висел паук, и он, сцука, цитирую: «Капал». Как это было на самом деле, хз... Из мебели две панцирные кровати и стол. Многие студенты составляли кровати друг на друга, чтобы освободить место...

Пьянка

Вечером прискакали с нами знакомиться две симпатичные, но глуповатые и поповые девахи (подруги той, которую я на курсах назвал душой)... Надя и Оля. Постоянно держались вместе и поначалу напоминали двух лесбиянок. Мне нравилась Надя. Она, несмотря на все свои понты, была красивой и независимой, а я всегда был подкаблучником, поэтому меня всё устраивало. Но я был мал, никогда не спал с женщинами и походил внешне на дурачка. Короче, не вариант для интимного общения. Посвящал ей стихи, делал записи в дневнике, когда она

приходила. Это был позитив для меня. Я радовался ей, как маленький мальчик... и не понимал, чего хочу от неё. Она же точно знала, что нужно ей. Понял это гораздо позже. Ей просто нужен был мужик, взрослый и надёжный, настойчивый, короче, такой, с которым можно создать крепкую семью. У нас не было и не могло быть на тот момент ничего общего, но я-то этого не знал... Я просто любил, как любят в первый раз, а в первый раз любят чисто и беззаветно.

Гопники

Днём позже мы с Андрюхой уже всю шарахались по общаге. Знакомились с остальными студентами, которые были людьми положительными, но в большинстве своём полными мудаками. Однажды утром мы с соседом надолго вышли из общаги, а когда вернулись, первое, что обнаружили, двоих здоровых гопников Мишу Квартникова и Артёма Кириллова. Сидели они рядом с вахтой со своими дорожными баулами и тупо одуплялись на нас. Это были наши будущие соседи. За бухалово их не хотели поначалу заселять в общагу, но, как сказал кто-то, «наглость – второе счастье». Они переночевали ночь у Антохи Укропа, уломали его как-то. Бедняга так перепугался, что принёс нам на сохранение свои продукты, наверно, чтобы быдланы не покусались. На следующее утро быки уговорили коменданта заселить их. Я искренне презирал в душе Мишу и Артёма. Бабка заселила их нам на беду, и хапнули мы от них горя по самую маковку. Сказать им в глаза, что они мне глубоко ненавистны, я не мог – боялся огрести. Не за что было их любить. Они относились к нам с Андрюхой как к говну, засылали за пивчагой день через день, подначивали по любому поводу, а если бухали, то вели свои говёные блатные разговоры. Короче говоря, были абсолютные, феерические мудаки. Если судьба распорядится так, что кто-то из них или их друзей и знакомых прочтёт эти строки, то, пользуясь случаем, я хотел бы написать всем им без исключения то, чего не мог сказать лично. Идите на х...й! И от этих слов мне воистину легче! За что я ненавижу их? Не будь их – не было бы той гнетущей атмосферы в нашем крыле общаги, не было бы многого из того, что произошло потом, наконец, не было бы дурдома и этой книги. Я не к тому, что книги не должно было быть, всё вышло, как вышло, но принять как есть значит для меня признать, что я был в этой общаге последним мудаком, лохом, что был слаб, чтобы дать отпор. Как себя изначально поставишь – так и будет, говорил мне как-то один мой знакомый KedaKid. Миша и Артём заселились в комнату напротив нашей. О них я ещё упомяну в дальнейшем...

PunksNotDead!!!

Где-то через месяц нашей учёбы приехал из города Н. ещё один наш сосед по блоку, Женя. Крутой чел. К тому времени учился, если это можно назвать учёбой, курсе на четвёртом и вёл себя как армейский дедушка, в хорошем смысле этого слова, как старший. Женя зашёл к нам в комнату и предложил пить пиво. За пивом мы ходили. Остаток вечера сидели вчетвером – Лёха, Женя, Андрюха, я и пили пиво. Надо заметить, что именно этот человек внёс разнообразие в наши тёмные деревенские головы, стал для нас кем-то вроде гуру, только без всякой наносной мистической фигни. Он сделал это вполне мирным путём. Пиво с ним (Лёха в основном отсутствовал впоследствии в общаге) мы пили регулярно. Так вот, во время очередного бухича Жека спросил, что мы слушаем. Крутили мы с Д. мои кассеты, из которых в основном преобладал Modern Talking и Eminem. Модеру я любил всегда, а «Эминем» был на пике популярности как раз, «мода для этих, мода для тех», как у Кача. Включили... Женя задумался... потом на минуту вышел в свою комнату и принёс самописные кассеты, которые цифровал с дисков у себя в городе.

Гопники

– Вот, послушайте! – сказал он.

– Что за музыка? – спросил я.

– «Король и Шут», «Кукрыниксы»... «Пилот»! Это было совершенно новое, я слышал раньше о КиШе, но считал, что это не моё. Я знал, что есть такая группа, как «Пурген», но был уверен, что это говно, даже по названию. И уж тем более не имел понятия ни о «Кукрыниксах», ни о «Пилоте»... С первого раза не зацепило. Но мы вслушивались в тексты песен несколько

раз... и это было откровение, которого мы не знали раньше, которое могло прийти только здесь и сейчас, в общаге... которое не было доступно в детстве и к чему мы были готовы... Со временем тексты запоминались на слух, так же на слух я подбирал аккорды к ним, ни о каких песенниках речь тогда, конечно, не шла, и играл... В этих текстах я слышал отголоски нашей общаговской жизни... особенно цеплял Пилот...

«Не давай им хлеба из рук, не учи их быть сильнее тебя... или «По снегу белому за пивом, когда я шёл и песню пел... и было страшно...»

* * *

В общаге № 1, как и в любой другой, было не скучно. Поколение NEXT выбирало б... ядство и алкоголь, но в тот период мне это не сильно мешало. Мешало только быдло из комнаты № 502 в лице Миши и Артёма... они обжились быстро и сразу навестили нас с Андрюхой. Короче, после непродолжительной беседы отправились мы за пивом...

Гонять за пивчагой до двенадцати – до закрытия общаги – было не сложно. Проблемы обычно возникали после полуночи, когда пиво заканчивалось. До «зелёнки», киоска с бухлом, окрашенного в вечно зелёный цвет, было минут пять ходьбы!.. Не помню, когда точно, но вроде во втором семестре первого курса... дверь наша распахнулась во втором часу ночи, за нею стоял бухой Миша.

– Парни, пошли пиво пить! – улыбнулся гопник.

Мы пытались отпереться, что уже поздно и общага закрыта, но не проканал! Через две минуты в нашей комнате уже сидел Артём и своими до дури огромными руками, а он крепкий малый, связывал наши пододеяльники... Возможно, кто-то в данный момент улыбнётся... Да, пожалуй, и тогда это казалось весело! В общаге мы ко всему относились с юмором, особенно Андрюха Дробышев.

Нас было пятеро... Женя, Миша, Артём, Андрюха и я! Без палева и шума спустились на третий этаж. Вышли на балкон... Первым номером по решёткам балкона второго этажа слез бухой Миша, показывая нам пример мастерства и героизма. Когда оказался на уровне второго этажа, он просто тупо спрыгнул вниз и вывихнул ногу... короче, почти удачно. Нас, как более лёгких, с той же высоты Артём спустил поочередно на верёвке из пододеяльников. Когда спустили меня, ткань предательски захрустела и начала рваться... пододеяльнику пришел конец! Артём показал с балкона, что всё в порядке. Шёл дождь. Погода была нам на руку... в дождь около «зелёнки» не должно быть местных с частного сектора – это нам, улыбаясь, сообщил Миша. Местных действительно не было. Мы затарились по уши. Сумки с пивчагой подняли на простынях. Дальше дело за малым – забраться в общагу самим... Мы обошли корпус... на уровне второго этажа рядом с вахтой был балкон с широкими решётками, через них и слон пролезет. Первым пошёл и запалил всех остальных Миша. Он запрыгнул на сточную трубу, торчащую из стены, потом на решётку. Решётка загромычала, а Квартников пролез в неё и упал с той стороны балкона... Потом побежал Андрюха, когда он миновал решётку, на вахте загорелся свет... Артём с балкона дал мне отмашку не бежать. Я метнулся и спрятался за углом корпуса. Одна настойчивая мысль посетила мою голову в тот момент, что ночевать мне предстоит на улице. Дождь колотил по лужам, усиливаясь с каждой минутой. Ожидание, которое показалось мне вечностью. Через полчаса с пятого этажа раздался голос Артёма, чтоб я заходил. Кавабунга, ёпти! Разбежался, запрыгнул на водосток, труба мокрая, но я удержался, второй прыжок на решётку балкона второго этажа, подтянулся на прутьях и пролез внутрь. Стараясь не хлопать балконной дверью, вошёл в рекреацию. Передо мной стояла вахтёрша, погоняло Дрозд (за удивительное сходство с этой птицей)... сказала что-то типа того, мол, по балконам ползаем... Я положительно кивнул. Она развернулась и ушла, дав ясно понять, что

ей на это пофиг! Я поднялся на пятый этаж. Соседи бухали... Сел за стол, выпил пива. Артём сказал: «Не грузись! Я вот не грузжусь!»

Женя повернулся на подоконнике, потом выкинул бутылку в окно, улыбнулся и сказал, обращаясь к нам с Андрюхой: «Значит, вы не ниндзи!»

Начиная с первых дней моей учёбы на ХГФ, я вел дневник... хотя трудно назвать это дневником! Правильнее сказать, что я вёл записки в блокнотах, делал зарисовки... Когда меня закрыли в дурку, эти почеркушки показывали моей врачихе... видел краем глаза и, конечно, запомнил, наверно, потому что мне это не понравилось... При всей своей убогости они интересны и важны для меня... ведь в них я по свежим следам записывал те мелочи, которые теперь вспоминаю с трудом... мелочи, из которых складывалась моя тогдашняя жизнь...

* * *

...Наша учёба на факультете занимала меня куда больше, чем синяя яма нашего третьего общежития... Будучи старостой группы, состоящей из одних метёлок, я ощущал себя козлом отпущения... поскольку к руководящей работе был не готов вовсе!.. Проще говоря, учиться любил, а должность свою со всеми её обязанностями слал куда подальше. Вникал в то, что говорили препода... стремясь почерпнуть как можно больше! Моих знаний, приобретенных в детской художественной школе, оказалось маловато. Чем больше я пребывал на факультете, тем больше меня бесила моя беспомощность... ведь при своём упорстве, а упирался я больше учаговских, я всё равно отставал... Наверстать был единственный вариант для меня чего-то добиться, а для этого я должен был прыгнуть выше головы, т. е. работать больше остальных... И я увеличивал нагрузку постоянно... Помимо постановок рисовал в общежитии... и то, что я делал там, зачастую было лучше постановочного, но в общем и целом рисовать я всё равно не умел. Отсюда нестабильность... Хотелось найти такую область знаний в творчестве, где я мог бы чувствовать себя более-менее свободно, где смог бы развить свой художественный язык!..

Надя

Моя беспокойная жизнь становилась ещё более беспокойной из-за Нади! Вокруг неё постоянно вились парни, в их комнате тусили большие компании!.. Я поначалу заходил туда с Андрюхой, мы пили чай или что там ещё и болтали ни о чём! Со временем мне это надоело, и ходить я туда не стал, а в один прекрасный момент послал нахер Надю и Олю (ну, перегнул немного палку), когда они пришли к нам в комнату посмеяться и поглумиться! Короче, и они ходить к нам перестали! На Надю положил глаз Слава Немец, он непродолжительное время учился в нашей группе и был отчислен за неуспеваемость! Однажды я зашёл к ней в комнату! Она сидела на кровати! Слава сидел рядом и старался обнять её за плечо, потом попытался поцеловать в щёку. Надя увернулась и сбросила руку. Я зашел, сказал что-то не особенно важное и сел на табуретку напротив них. Мне было не по себе... внутри противно и хотелось разбить лицо Немцу, но я этого не сделал... Следом за мной вошёл Влад Крутой, такая фамилия была у парня, местный друг Миши и Артёма, кстати, сейчас он где-то в Питере живёт, ну да я его сто лет не видел, постоял немного и протянул мне откупоренный батл пива... я сделал несколько глотков и отдал бутылку.

Общага. Дверь.

Влад подошёл к Славе, сел напротив него. Тот улыбнулся.

– Что? – продолжая улыбаться, спросил немец.

– Побью я тебя! – улыбаясь ему прямо в лицо, ответил Влад.

– Я же с серьёзными намерениями! – засмеялся тихо Слава.

– С серьёзными намерениями!? Это же тебе не девочки на одну ночь! – продолжил Влад Крутой.

... Я встал и вышел. Сделал несколько шагов до лестничной клетки, поднялся на свой пятый этаж, потом до двери... Когда дверь блока захлопнулась за мной... я ощутил себя слабым, слабым и беспомощным... я захотел сказать Наде, что люблю её... повернулся... открыл дверь блока, сделал рывок в коридор... и вдруг остановился, куле, парадокс, но моя слабость была сильнее меня! Она не давала мне двигаться... прежде чем нанести удар, врубалась в мозг и заставляла думать о последствиях! Этому есть название. Это трусость... И мне с этим жить... Я был не достоин этой девушки просто потому, что боялся поцеловать её, даже просто обнять... просто сказать... и в этом виноват я сам! Бояться жить нельзя! Тяжело сожалеть о несделанном!

... Я вошёл в свою комнату, сдёрнул матрас с кровати на пол и лёг на него. Мысли бежали быстро, сменяя одна другую, но была одна самая навязчивая мысль: сегодня не могу здесь оставаться! Посмотрел на наручные часы. Последняя электричка в мой родной город уходила через 30 минут. Я думал, что пешком дорога до вокзала займёт час. Бежать! Захлопнул дверь, оставив всё, как есть, на полу, и бросился вниз по лестницам, мимо вахты, пробежав метров пятьдесят, я вдруг остановился, развернулся и показал общаге отчаянный фак... Потом нёсся мимо ночного частного сектора, мимо заброшенного парка... Я убегал от себя, от своей слабости, от своих страхов, от своей говёной жизни, убегал, ещё не зная, что это невозможно, что от себя не убежишь... На электрон, правда, успел!

* * *

Мои соседи сменялись довольно быстро. Лёха и Женя вылетели за косяки и к нам поселили гопников с ФБЖ... Думаю, эти уроды посмеялись бы, узнав себя в этих строках, это единственное, на что они способны! И если у меня нет в жизни интересов, если мне на всё покуй, я всё равно не перестаю быть человеком... потому что во мне остаются жалость, способность сострадать... Эти ребята были быдлом во всех смыслах этого слова. Не знаю, как насчёт их родителей, но воспитать таких моральных уродов – это ж надо постараться. Красивые девахи, да точнее, случайные связи с ними, ещё точнее, перепихон по быстрому – единственное, что их интересовало, хотя нет, дерьмовая музыка Миши Круга и прочая херь типа «Я готов целовать песок, по которому ты ходила» или «Ах, какая женщина, какая женщина. Мне б такую»... бухло, дрянная работа, сотовые телефоны... полный набор ерунды, которая была у них в головах. Костя Тайсон и Компания... Они были из Невьянска. Гиблое место... Кто знает, тот поймёт... Именно такой городок и мог сформировать подобных мутантов... хотя мутантом они, наверное, считали меня!.. Если б был шанс решить их судьбу, я таких как они приговаривал бы к смертной казни из жалости к ним самим. А зачем им жить? Зачем они топчут эту землю?.. Что оставят после себя?.. О чём расскажут в старости?.. Им нечего рассказать, им нет смысла топтать нашу грешную планету. Троица ублюдков, воняющих одеколоном и понтами... Когда они работали охранниками в каком-то ночном казино, они закорешились с Дильшаном. Этот персонаж был наполовину татарин. Участвовал в военных действиях в Чечне, видел смерть, и ему было на всё действительно покуй. Тело его сохранило шрамы от пуль, по крайней мере, он так говорил, те пули что «входят через руку, а выходят через пятку»... Он щёлкал

своей челюстью, которая была повреждена, и демонстрировал нам с Андрюхой свои огромные сбитые, мозоленные костяшки... Он говорил, что ему покуй, жить или умереть. Если бы я воткнул в него нож, он, конечно бы, машинально сопротивлялся мне, но по большому счёту ему покуй... так говорил Дильшан, и, глядя в его глаза, я верил ему. Забавно, даже не знаю их фамилий... И имена некоторых позабылись. Это всегда со мной так: забываю имена, лица, фамилии, а поступки нет, поступки с точностью до слова, до доли секунды я могу воспроизвести в мозгу в любой момент. Дильшан считал меня плесенью, говорил, что я сумасшедший, что «близок к шизофрении». Сидел на андрюхиной кровати раз под пьяную лавочку, напротив меня, и вот так, прямо в лицо, вещал мне, что я псих. Он был прав, был прав, чудовище!..

Общага. Лампа

Этот гад частенько засылал меня за пивом... Андрюху он не трогал. Вошёл как-то в нашу комнату и посмотрел на бумажку, лежащую на столе, – это были мои стихи. Он прочёл их. Сделал свои замечания, что стихи детские и что это стихи пятнадцатилетнего. Я не обиделся, ей богу. Сказал мне, что сам пишет стихи. И прочёл наизусть одно стихотворение о любви. Стихотворение было о любви, точнее о сексе, о страсти... о траханье, – вот верное слово. Стихи холодные и злые, каким был он сам.

Несколькими годами позже я написал о нём пару строк:

*За письменными знаками
Лишь ненависть и ложь.
Родился ты собакой —
Собакой и помрешь!*

...Это был вечер. Меня заслали за пивом. Заслал Дильшан. Я взял рюкзак и пошёл. По дороге к киоску пересёкся с тремя бухими, они окликнули меня, я продолжал идти, не оглядываясь, и услышал такой диалог за своей спиной:

– Эй ты?! (обращение ко мне) А... он гонимый.

– Давай ему пизды дадим?

– Да нукуй он нужен, он же гонимый.

Они были правы. Я гонимый. И буду таким всю жизнь. От чего я бежал тогда? От чего бегу сейчас?.. Слишком много вопросов. Дохрена вопросов! И ни одного ответа! Правды нет. Нет Бога... но это я понял чуть позже... а пока я топал в киоск с поларовским рюкзаком и думал, что если меня сейчас тормознут на вахте, это было бы прикольно. Пусть повяжут меня с полной сумкой пивчаги. Я несу её не себе, я не стану молчать. Заложу всех этих отморозков, своих соседей и левых в том числе. Я искренне желал, чтоб их повязали. Если выгонят меня из инстика, то пусть выгонят и их всех, поимённо!!! Не повязали. Я прошёл, брякая бутылками, а вахтёрша только понимающе посмотрела на меня и ничего не сказала! Хотя у меня был полный рюкзак пошла за плечами! Эх, баба Тоня... баба Тоня. Я поднялся на пятый этаж, зашёл сразу в комнату соседей и выгрузил бутылки! Они предложили бухать. Я знал про себя, что буду бухать... Я буду бухать за их счёт, пока меня не вырвет, пока не вырублюсь... Пить их пивчагу, жрать их сухарики... и будь, что будет.

Когда пиво кончилось, ко мне подсел Дильшан.

– Кого в общаге можно развести на деньги? – спросил он.

Мысли в моей голове побежали быстрее, не пойду, достало... устал.

– Ты в 401-й был? – спросил я тихо, повернувшись к нему.

– Нет, – сказал ушлёпок.

– Сходи, – улыбнулся я.

Дильшан, как заправский армейский дедушка, одобрительно толкнул меня рукой в голову и ушёл. Я лёг на кровать, закрыл глаза. Так я стал шестёркой, падалью, которая подставила своих соседей снизу, с четвёртого этажа, тех, кто учился курсом ниже, и это стало началом конца...

* * *

*Ты когда-то был совсем слепой, Боролся с пустотой!..
(«Пурген»)*

Через несколько дней после этого я спустился на четвёртый этаж, в свою маленькую мастерскую... Выключил свет, встал на колени... и, глядя в чёрную стену, обратился к Богу... Я просил избавить меня от такой жизни... просил, чтобы Бог помог мне, просил изменить то, чего изменить, казалось, нельзя в принципе, просил изменить мою жизнь!.. Слышал голоса проходящих за дверями людей, слышал, что кто-то общался в комнатах за стеной... и был уверен, что в этот момент меня слышат враги и друзья, что меня слышит даже сам Бог, хотя на самом деле меня не слышал никто!..

...а после, это было в конце семестра, я рисовал в своей комнате в общаге задание – рисовал непроходимый лес с огромными деревьями, в котором были двое, парень и девушка...

Их лиц не было видно, а были видны только ноги, и ноги по графике тоже напоминали деревья... Я закончил эскиз и взял формат, чтобы перенести на чистовую, сделал несколько штрихов, остановился, чтобы отдохнуть, облокотился на спинку стула и отчётливо услышал мужской голос, который позвал меня по имени. Я осмотрелся, – в комнате никого не было... Он шёл как будто сквозь пол, сквозь стены, сквозь потолок. То, что он звучит у меня в голове, в это поверить я не мог! Голос сказал: «Не надо, не надо... остановись!» Я положил карандаш на стол. Голосов стало несколько: «Спускайся к нам! Мы тебя будем опа-опа». Я встал, налил кофе! Закрыл дверь и включил Марчибу в мафоне. Потом лёг на кровать, взял книгу «Проводник» Ильи Чёрта, стал читать её страница за страницей. Голоса смеялись и общались друг с другом, как общаются старые друзья. Они ненавидели меня! Их веселил и мой страх и моя беспомощность. Все они считали меня лохом!..

Трэш

*Я вижу их лица.
(Мне никак не понять,
кто же я среди них)
(Жесткач)*

Хардкор начался под утро! Находиться в общаге стало совсем невыносимо, и я набрал сотовый телефон бати.

– Пап, приезжай, забери меня! – попросил я дрожащим голосом.

Батя не на шутку испугался.

– Мне на работу завтра с утра, – сбивчиво сказал он.

– Забери меня, а то мне конец! – канючил я в трубку.

Батя сказал, что приедет...

Мне тяжело писать об этом. Я помню всё с точностью до минут даже сейчас.

Было утро. Я одел осеннюю лёгонькую курточку... хотя на улице был приличный минус, положил в карман нож и подошёл к дверям. Услышал щелчок замка соседнего блока, в голове пронеслась мысль: вот он момент. Рванул дверь и вышел из блока. Из соседней двери вышел Миша Квартников. Я побрёл с ним по коридору. Голоса не прекращались.

Я сказал: «Конец мне. Ножи по мне точат...»

– Кто? – спросил Миша.

– Соседи... – ответил я. – Из 401-й...

– Да перестань, – сказал Миша, – я с ними поговорю!

Квартников пнул входную дверь, и мы вышли из общаги. Я решил – дойду до главного здания, там меня не тронут. Отсижусь и дождусь бату.

Миша пошёл на маршрутку до центра. А я рванул к главному зданию. Зашёл и сел в вестибюле...

Меня окружали лица людей, готовых напасть, готовых трахнуть и убить меня... я слышал каждое их слово... или мне это только казалось. Напряжение нарастало. Хотелось бежать, но я знал, что дождусь отца. И я дождался. Бросился к нему, мы поймали маршрутку, на ней – до вокзала. Оттуда я покинул город, в котором учился, покинул на долгих два года. Мне было холодно, и я хотел есть, но больше всего хотел спать. Я лёг на лавку в электроне и уснул нервным, беспокойным сном. Мне снился мой враг, самый главный внутренний враг. Внешних врагов победить можно, нельзя победить своего Тори. Сразу оговорюсь, что этот внутренний страх не имеет ничего общего с персонажем из книги Ильи Чёрта, хотя слово я, не претендуя на оригинальность, позаимствовал именно оттуда. Нельзя победить самого себя... Приехав домой, я спал несколько дней. А голоса стали слышаться из-за стен соседних квартир... из подъезда. Все эти дни у соседей играли попеременно только две темы «Мы не носим цепи, мы простые пацаны» и «Дайда» (припев из клипа «Эминема»)... изо дня в день, каждый день, на протяжении нескольких недель только эти две песни... Находиться в квартире было всё сложнее, голоса усиливались. Последний каплей стал стук в дверь ночью.

Батя подошёл к двери и спросил: «Кто?»

– Милиция, – ответили из-за двери.

– Утром приходите, – сказал отец.

Это не была милиция. Я знал... Они пришли ко мне.

Я отвернулся лицом к стене. На следующий день мы перебрались к бабушке.

Мои родители пытались выяснить, была ли агрессия в мой адрес и что произошло на самом деле. Вскоре они пришли к выводу, что я двинулся рассудком... Я начал уходить один

из дома. Потерял телефон и сим-карту. Точнее, голос приказал выкинуть сотовый. И я на ходу разобрал его, вынул сим-карту, выбросил её и следом отправил в сугроб по частям сам сотовый. За этим последовала любопытная цепь событий, о которой я не рассказывал ни одному живому человеку... Голос указывал, куда мне идти и что делать. Я приведу только несколько примеров. Хотя изобретательности его не было границ.

Я пошёл на телевышку, залез на высоту третьего этажа и спрыгнул вниз. Внизу был сугроб, в который я попал. Залез снова и снова спрыгнул. И так трижды. Я на самом деле страшно боюсь высоты и в нормальном состоянии никогда бы такого не сделал. Сторожевая шавка кусала меня за ноги, когда полз обратно к забору. Слабо и без особого азарта я отпинывался от твари. Когда лез через забор, разорвал штаны. Голос сказал, куда мне идти. Он вёл меня в дом, где я не был ни разу в жизни. Вошёл в подъезд и постучал в деревянную дверь. Мне не сразу, но открыла женщина.

– Что надо?

– Нитки и иголку, – попросил я.

Она с презрением посмотрела на меня и сказала: «Знаешь, я не могу тебе этого дать!»

Я попрощался и вышел из подъезда на улицу. Зашёл в другой дом и попросил то же самое. Мне дали иголку и нитки. Я сел на ступеньки и зашил штаны...

Другой раз я, сняв ботинки и носки, босой бежал по снегу, это было в районе ж/д. Пробежал приличное расстояние и даже не заболел; чокнутые вообще меньше болеют, если что...

Я стал искать своего Тори. Мне стало всё равно, что он сделает со мной, лишь бы перестал мучить. Бродил один по городу, но, куда бы я ни приходил, меня ждали лишь пустота, пустые улицы, гаражи, леса... А однажды он сказал: «Возьми деньги, все, что у тебя есть, иди в магазин». Зашёл и купил самый дорогой торт. Голос приказал купить и шоколадку. У меня не хватало пары рублей, и я стал попрошайничать. Ходил по магазину и просил два рубля. Люди с удивлением смотрели, как здоровенный детина просит подаяния. Кто-то подал. Я купил шоколадку, развёл все деньги под ноль. Потом голос приказал идти в тот же деревянный дом, где просил ниток первый раз и мне отказали. Я пришёл. Постучал в дверь... открыла та же женщина. Посмотрела ипустила меня. Зашёл внутрь. Прошёл в комнату. На столе стояла водка. На диване рядом со стеной сидел человек. Он спросил, кто я, откуда. Предложил выпить. Я отказался. Предложил травы... на что хозяйка дома обругала его и сказала, что он охренел.

– Зачем ты пришёл? – спросила она – я думала, ты пришёл на день рождения моего сына! У моего сына сегодня день рождения!

– Я убил вашего сына, – ответил ей ни с того ни с сего и сам ошалел от такого поворота событий.

Она как будто даже не удивилась, не поверила мне.

Зашёл парень, которого я никогда раньше не видел. Задал мне какие-то вопросы. Знаю ли какого-то Александра. Я сказал, что не знаю.

Посидел. Одел обувь. Попрощался и вышел, дико извиняясь перед хозяйкой, что наследил. Задерживать меня никто не стал...

* * *

Переехал из своей квартиры на квартиру бабушки. Трэш продолжился там. Когда слышать то, что у меня внутри, становилось совсем невыносимо, я выходил на улицу, отпрашивался у родителей. Голос внутри меня вёл по моему городу, который я знал, кажется, на все сто, но никогда не знал его таким... Однажды я шёл через гаражи, и вдруг голос сказал: «Хуле, снимай ботинки». Я снял и пошёл босиком. Был снег, зима и холодно. Ноги мёрзли. Потом голос сказал: «Хуле, по дороге, иди, мразь, по сугробу». И я, зарываясь в снег по пояс, полз по сугробам босиком. Там, под снегом, пролегла сточная канава, и я иногда проваливался в

неё голыми ногами. Хотелось схлестнуться с тем гадом, что сидел внутри меня, но это было невозможно, а жаль, ведь я искренне желал вырвать зубами его гнилое сердце.

Однажды ночью бился в бреду. Тори сказал: «Иди в туалет». Я пошёл. Потом он приказал мне сесть на толчок и опорожниться. А потом приказал мне жрать из унитаза, и я сделал это. Вкус дерьма во рту, на языке, в глотке, везде. Потом вернулся в комнату и пытался блевать. Блевал, а он приказал мне съесть это, Господи, и я сделал это. Глотал свою блевотину вместе со своими слезами и соплями...

Это был мой путь, которого не пожелаешь и врагу. Я шёл по нему, шел и не верил, что это не сон, что всё происходит со мной в реальности.

Я пытался молиться, но голос говорил, что Бога нет, что бог – это он, и я в его власти... А я хотел одного: выжить и остаться собой, и вот это ощущение, что я – это я, как бы ни было плохо, я – это я, маленькая наивная мыслишка – она одна радовала... Остаться собой? Много ли я хотел, трудно сейчас судить. Ещё меня интересовал вопрос: заслужил ли это, и в конце концов я пришёл к выводу, что да, заслужил, а раз заслужил – значит должен терпеть. Тогда подумывал о самоубийстве, но я всегда боялся смерти. Страшнее смерти нет ничего – как говаривал Михаил Юрьевич, хотя это не дословно. Тори повторял в таком случае всегда одно и то же: подумай об этом, подумай.

Перевезли в деревню, на родину моего отца. Я постоянно пытался убежать из дома, жрал спиртовые ватки от укулов и постоянно ревел...

Дурка

«Нас недавно поместили в сумасшедший дом».
(«Сектор Газа»).

Меня сдали в дурку моего города. Врачи не знали, что со мной. Лекарства не помогали.

Другие чокнутые там смотрели на меня как-то недобро, как будто они всё знали обо мне.

Голос сказал мне: «Пойди к мужикам, и пусть они тебя трахнут». Я подошёл в туалете к компании мужиков и сказал им прямым текстом: «Я лох, выебите меня, пожалуйста». Тогда один из мужиков встал и приложил меня лбом об дверной косяк... из носа пошла кровь. Второй сказал: «А тебе приятно было бы, если б я тебя натянул?..» Я ответил: «Нет». Он сказал: «Живи пока... Ты ребят подставил и, если это повторится, тебе кранты...»

Врачам они наплели, что я буйный, бьюсь головой об стену. И меня бросили на вязки в этот же вечер. На вязках было куёво. Я боялся за свою жизнь и девственность своей задницы, боялся – это мягко сказано, я готов был обоссаться от страха, но тут случилось то, чего никто не мог представить, никто. Меня отвязали после двух дней пребывания на вязках и повели к главврачу. Он посмотрел на меня и сказал: «Знаешь, тебе сейчас не так уж тяжело, я был в Афганистане, – вот там было страшно, там ребятам действительно было тяжело. Я был там врачом и ничем не мог им помочь». Потом посмотрел на меня и добавил: «Хочешь лечиться в области?..» Я поднял мутные глаза. Мне хватило пары секунд, чтоб понять, что это шанс, шанс вырваться не только из этой больницы, этого города, но и из этой жизни. Я кивнул и улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.